

или проводить программу могут только те, которые другого, лучшего, не умеют» (С XII, 309—310).²⁰

Так преломлялась в сфере эстетической самая существенная черта Тургенева — широта его взгляда на мир, людей, идеи, необыкновенная быстрота реакции (отрицательной) на все то, что может сузить кругозор художника.²¹

Тургенев не видел особенной разницы между категорическим утверждением интуитивности творчества и преувеличением значения этого момента в процессе создания художественных произведений. Ни то, ни другое несовместимо с главным условием успешной работы писателя — свободой и широтой его взглядов. Поэтому вполне уместно напомнить то, что писал Тургенев Фету в 1865 году — в период их отношений, отмеченный спорами о значении рассудка и инстинкта в творчестве: «Поэт, будь свободен! Зачем ты относишься подозрительно и чуть не презрительно к одной из неотъемлемых способностей человеческого мозга, называя ее *ковырянием*, рассудительностью, отрицанием — критике? Я бы понимал тебя, если б ты был ортодокс или фанатик или славянофильствующий народолюбец... Ты чувствуешь потребность лирических излияний и детской радостной веры — качай! Ты желаешь под каждое чувство подкопаться, все обнюхать, разорить, расколотить, как орех, — валяй! Главное, будь правдив с самим собою и не давай никакой, даже собственным изживением произведенной системе оседлать твой благородный затылок! Поверь: в постоянной боязни *рассудительности* гораздо больше именно этой рассудительности, перед которой ты так трепещешь, чем всякого другого чувства» (II VI, 27—28).

Еще через несколько лет те же мысли строго и четко были высказаны Тургеневым в очерке «По поводу „Отцов и детей“». Прочитав отрывок из него. Он особенно любознателен, поскольку дает возможность представить себе, как понимал писатель соотношение «бессознательного» творчества, непосредственной силы таланта и самодисциплины художника, тех обязательных сознательных требований, которыми он постоянно должен руководствоваться. «Силу этого „схватывания“, этого „уловления“ жизни дает только талант, а талант дать себе нельзя, но и одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общение с средою, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям, нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание!» (С XIV, 106—107).

Н. А. ГОРБАНЕВ

ПЛЕХАНОВ В БОРЬБЕ ЗА ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ГЕРЦЕНА

В марксистской публицистике, выступившей в преддверии и в год юбилея (1912) против всевозможных и главным образом веховских «легенд о Герцене», наиболее значительное и верное слово о нем, до появления ленинской работы, было сказано, несомненно, Плехановым.

Прежде всего следует отметить творческую активность Плеханова в период между 1909 и 1912 годами, когда идейная борьба вокруг наследия Герцена до-

²⁰ «... Коли у него (писателя, — Т. Н.) нет таланта — никакая „объективность“ ему не поможет», — пишет Тургенев в «Предисловии» (С XII, 309). Не следует видеть в этой фразе пренебрежительное отношение к объективности вообще; ее можно рассматривать лишь как доказательство объективного отношения Тургенева к самой объективности, всегда ему свойственное. Он отвергал объективность, если за нею скрывалось абстрагирование от «жизни вообще — этого вечного источника всякого искусства» (1852; С V, 369), если она понималась как отделение таланта «от жизни той личности, которой он дан в дар» (1854; С V, 424). Но вместе с тем стремление к ней было одним из основных правил Тургенева на всем протяжении его творческого пути. Он последовательно, от произведения к произведению, вырабатывал ту меру объективности, которую считал необходимой. В данном случае, в «Предисловии», он вновь указывает ее истинное место и значение. Объективность, считает он, важна не сама по себе, а именно как свойство правдивого и свободного таланта.

²¹ О значении этой широты воззрений, которую определяла прежде всего философская сторона мировоззрения Тургенева, для решения проблемы революционера 60-х годов в его творчестве и об отличии Гончарова от Тургенева в указанном смысле см.: Е. М. Ефимова. К проблеме революции в романах «Отцы и дети» И. С. Тургенева и «Обрыв» И. А. Гончарова. (Образы Базарова и Волохова). «Ученые записки Орловского государственного педагогического института», 1964, т. XXIII, вып. IV.

стигла наивысшего накала. Помимо трех больших статей, специально посвященных Герцену («Герцен — эмигрант», 1909; «А. И. Герцен и крепостное право», 1911; «Философские взгляды А. И. Герцена», 1912), Плеханов обращается к его мыслям и трудам в целом ряде других работ, выступает до, во время и после юбилея с лекциями и рефератами на герценовские темы.¹ В день столетия со дня рождения Герцена, 6 апреля 1912 года, Плеханов выступает с речью на могиле писателя в Ницце.

Но дело заключается, конечно, не только в этом. На фоне тогдашней литературы о Герцене, включая марксистскую, плехановские работы отличались строгой научностью, отсутствием упрощений и вульгаризации в освещении главных сторон герценовского наследия. В первую очередь это относится к вопросу о причинах и содержании духовной драмы Герцена, вопросу, вокруг которого в основном и была сосредоточена предъюбилейная борьба.

Это был трудный в теоретическом и злободневный в практическом отношении вопрос. От его решения во многом зависела та или другая оценка всего хода идейного развития Герцена, его основных моментов, конечных итогов и возможных перспектив. Не было случайностью, что именно по этому пункту марксистская публицистика дала бой тем общественным силам, которые стремились представить Герцена «своим» — если не единомышленником, то союзником, пытались использовать его наследие для борьбы с идеями материализма, социализма и революции.

Как известно, социальная и философская сущность духовной драмы Герцена с классической ясностью и полнотой была раскрыта В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена», опубликованной вскоре после юбилейных дней, 8 мая (25 апреля) 1912 года, в центральном органе РСДРП — газете «Социал-демократ», выходившей в Париже. Плеханов в своих статьях «герценовского» цикла, созданных в основном до юбилея, с одной стороны, подверг критике те объяснения драмы Герцена, которые предлагали веховцы, декаденты и народники, а с другой — дал такое решение этого вопроса, которое оказалось в тогдашней марксистской литературе наиболее близким к ленинскому. В том и другом отношении его работы сыграли немалую роль в борьбе против легенды о Герцене и его духовной драме, которая получила широкое хождение в годы, предшествовавшие юбилею.

Одним из творцов этой легенды был С. Булгаков, вначале легальный марксист, а затем участник сборника «Вехи», человек, в короткий срок проделавший путь «от исторического материализма до Оптиной пустыни».² Еще в 1902 году он поместил на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» статью «Душевная драма Герцена», которая вскоре затем была им дважды перепечатана.³ По Булгакову, главные причины духовной драмы Герцена — его атеизм и «позитивизм», т. е. материализм. «Герцен — это Прометей, прикованный или, вернее, сам себя приковавший к бесплодной скале позитивизма».⁴ Прометеевский (по Булгакову — религиозный) строй души Герцена пришел будто бы в противоречие с атеизмом и материализмом его взглядов. «В этом несоответствии мировоззрения духовным запросам личности, которая не может, однако, преодолеть его изнутри, и состоит душевная драма Герцена».⁵ Герцен, по мнению Булгакова, хотя и кружным путем, более отрицательным, чем положительным, ведет «к идеалистическому и религиозному мировоззрению», которое одно является противоядием от душевного мещанства и в этом смысле неизмеримо эффективней общественных и «хозяйственных» реформ социализма, затрагивающих только «внешнего человека» и не устраняющих мещанского самодовольства и духовной пустоты.⁶

Версия Булгакова, ее антиматериалистический и антисоциалистический элементы были подхвачены многочисленными интерпретаторами драмы Герцена.⁷

¹ Н. А. Герцен в письме от 29 февраля 1912 года, благодаря Плеханова за присылку ей статей «Герцен — эмигрант» и «Герцен и крепостное право», писала: «... я с радостью нашла в них некоторые отзвуки вашей прошлогодней лекции о моем великом отце, лекции, которая была для меня самым выдающимся моментом апрельских торжеств и которая останется моим лучшим воспоминанием о них» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI. Соцэкгиз, М., 1938, стр. 396).

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 28 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

³ Между прочим — в сборнике «От марксизма к идеализму» (СПб., 1904), на который намекает Плеханов в приведенных выше словах. Статья Булгакова могла быть известна Плеханову и по публикации в журнале «Вопросы философии и психологии», охарактеризованном им как философский орган торжествующей реакции (VIII, 311).

⁴ С. Булгаков. Душевная драма Герцена. Киев, 1905, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ См. там же, стр. 39, 43.

⁷ На страницах черносотенной «России» ее развивал некий «Критик», писавший в статье «А. И. Герцен»: «Раннее знакомство с материализмом и влияние фи-

В статьях «Евангелие от декаданса» (1909) и «Идеология мещанина нашего времени» (1908) Плеханов остро и темпераментно критиковал Мережковского и Иванова-Разумника за то, что они по-булгаковски истолковали драму Герцена, стремясь использовать его имя в своей борьбе с материализмом и социализмом.

Д. Мережковский доказывал, например, что Герцен не имел ответа на вопрос, «чем народ победит мещанство», ибо он боялся «религиозных глубин еще больше, чем позитивных мелей». Бессознательно Герцен искал бога, а сознанием своим отвергал его, и в этом раздвоении заключалась его трагедия. Вывод тот же, что и у Булгакова: надо отказаться от «догматического позитивизма» и перейти на точку зрения «грядущего христианства», в котором только и «заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее».⁸ На подобной же позиции в объяснении герценовской трагедии, его критики западноевропейского мещанства стоял и Иванов-Разумник, который приписал Герцену свой собственный взгляд на мещанство как на некую вечную «внесловную и внеклассовую группу» для того, чтобы говорить вслед за Булгаковым и Мережковским о «потенциальном мещанстве социализма».⁹

Блестяще опровергнув вульгарные взгляды Мережковского и Иванова-Разумника на материализм как философию бездуховности и на социализм как царство золотой середины и мещанства, Плеханов показал, что их брюзгливый скепсис и нападки на социализм не имеют ничего общего с герценовской критикой современного ему буржуазного мира. Их антимищанство на поверку оказывается лишь «идеологией мещанина нашего времени». «В сущности, настроение этих... скептиков, — заключал Плеханов, — не имеет ровно ничего общего с настроением Герцена. Он думал, что только торжество рабочего класса могло бы спасти Запад от овладевшего им мещанства. А наши нынешние скептики считают одним из самых ярких проявлений мещанства именно современное рабочее движение. Ясно, что они — далеко не родня Герцену; ясно, что они все приемлют его знаменитое имя» (XXIII, 300—301). По мнению Плеханова, и декадент Мережковский, и неонародник Иванов-Разумник поняли духовную трагедию Герцена, его разочарование в Западной Европе и его борьбу с мещанством еще хуже, чем почвенник Струов, писавший о ней в своей книге «Борьба с Западом в нашей литературе» (XVII, 290; XIV, 282).¹⁰

В серии работ о Герцене Плеханов дал глубокое объяснение духовной драмы писателя, связав ее с общим развитием его социальной и философской мысли.

Драма эта, по мнению Плеханова, имела много общего с кризисом, пережитым Белинским («примирение с действительностью»). Как Белинский в конце 1830-х годов остро почувствовал несостоятельность «абстрактного идеала», так и Герцен в преддверии революции 1848 года и особенно глубоко после ее поражения осознал беспочвенность идеалов утопического социализма того времени.

Сам в молодые годы социалист сен-симоновской школы, Герцен уже до отъезда из России (в январе 1847 года) с известной дозой скептицизма относился к утопическому социализму.¹¹ Знакомство с западноевропейской жизнью усилило его скептицизм. Об этом свидетельствует, по мнению Плеханова, четвертое «Письмо из Франции и Италии» (сентябрь 1847 года), где Герцен писал об основателях утопических систем как о людях, которые «не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение».¹²

Философия Фейербаха, заставившие Герцена еще в юности поспешно зачеркнуть все, что граничило с религиозной метафизикой, превратили для него эту борьбу за свободу личности в глубокую трагедию и т. д., вплоть до указания на главный «завет» Герцена — «завет непримиримой борьбы с мещанством и в жизни, и в мысли» («Россия», 1912, № 1952, 25 марта). В номере от 29 марта тот же «Критик» обрушился на Плеханова за его якобы «тенденциозность» в освещении философских взглядов Герцена.

⁸ Д. Мережковский. Грядущий хам. Чехов и Горький. СПб., 1906, стр. 10, 15, 20.

⁹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли, т. 1. СПб., 1910, стр. 14, 369.

¹⁰ С точки зрения Страхова, Герцен — «западник, отчаявшийся в Западе» и в жизни вообще (см.: Н. Струов. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882, стр. 83, 88 и др.).

¹¹ «Без всякого сомнения, у сен-симонистов и у фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но чего-то недостает», — цитирует Плеханов запись в «Дневнике» Герцена от 24 марта 1844 года (XXIII, 390). А в четвертом из «Писем об изучении природы» он находит указание на то, чего именно недостало у «мечтателей-социалистов» с точки зрения Герцена: у них «пробиваются великие слова: примирение, обновление... но они остаются отвлеченными, неудобопонятными» (там же, см. также: А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. II, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 345, т. III, стр. 204).

¹² А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. V, стр. 62.

Размышления о судьбах идей социализма и социалистического идеала в современном мире — основной лейтмотив, сквозная тема трагической книги «С того берега», начиная с ее первой главы, написанной еще «перед грозой» 1848 года (XXIII, 400). По словам Герцена, главная беда в том, что «мысль забегает всегда далеко вперед, народы не успевают за своими учителями»; что «жизнь имеет свою эмбриогенную, не совпадающую с диалектикой чистого разума»; что цивилизация «чертит идеалы жизни, она мечтает апотеозу своего собственного быта, но на жизни не лежит обязанность исполнять ее фантазии и мысли».¹³ В последующих главах, созданных уже «после грозы», т. е. после июньских кровавых дней, мысль Герцена приобретает еще более трагический колорит в связи с тем, что в революции 1848 года не нашлось общественных сил, способных осуществить «коренной экономический переворот — 93 год социализма». Но вопрос, который неотступно стоит перед Герценом и здесь, все тот же: «Где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?»¹⁴ Разочарование в тогдашнем утопическом социализме, который не только не отвечал на этот вопрос, но даже серьезно не задумывался над ним, — такова, по Плеханову, одна из сторон душевной драмы Герцена.

Другая, не менее существенная сторона ее — разочарование в тех реальных общественных силах, которые должны были быть взяты за решение социального вопроса. Признаки этого разочарования Плеханов также находит еще в «Письмах из Франции и Италии», написанных до революции 1848 года. Тогда скептицизм Герцена коснулся в основном буржуазии, «Парижа, за ценом стоящего».¹⁵ После поражения революции неверие распространяется и на мелкобуржуазную интеллигенцию, в июне 1848 года вставшую на защиту мещанского порядка,¹⁶ и на «работников», которые неизбежно будут, как он думает, отравлены ядами мещанства, на весь строй западноевропейской жизни в целом. Глубину отчаяния Герцена передает крик «Vive la mort!» (Да здравствует смерть!), брошенный им в лицо мещанской Европе. «На Западе нет силы, способной победить мещанство: в этом разочарование Герцена», — подчеркивает Плеханов.¹⁷

Плеханов установил внутреннее единство между драматическими размышлениями Герцена о судьбах социализма в современном мире и теми философскими идеями, которые он развивал в «Письмах об изучении природы». Стремление Герцена стать мистиком в социализме «значительно облегчалось для него тем, что он сначала прошел прекрасную школу мистика Гегеля, а потом тоже очень хорошую школу мистика Фейербаха» (XXIII, 452).

То, что Герцен понял слабую сторону тогдашних школ утопического социализма, осознал необходимость устранения дуализма между идеалом и действительностью, свидетельствовало о его «выдающейся даровитости», глубине его мысли (XXIII, 408). Но для этого нужно было быть не только мыслителем, но и революционером. Герцен «делал диалектику духовным рычагом революционного движения» (XXIII, 381). В качестве диалектика он говорил (во втором из «Писем об изучении природы»), что «понять предмет — значит раскрыть необходимость его содержания, оправдать его бытие, его развитие».¹⁸ «Примените эти общие соображения к социализму, — пишет Плеханов, — и вы увидите, что Герцен должен был столкнуться с той загадкой сфинкса,¹⁹ которая привела его к разочарованию в утопическом социализме. В самом деле, если „доказать“ предмет значит раскрыть его необходимость, то „доказать“ социализм значит открыть объективную необходимость будущего перехода буржуазной общественной организации в социалистическую» (XXIII, 425).

В постановке этой задачи заключалась огромная заслуга Герцена, которая определила его место в истории социалистической мысли. Герцен — «один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться „из утопии наукой“» (XXIII, 445). Что же касается его собственного ответа на задачу, то в теории «русского социализма» сказались слабейшие стороны философских взглядов Герцена. Правильно решая вопрос об отно-

¹³ Там же, т. VI, стр. 24, 29, 31.

¹⁴ Там же, стр. 27.

¹⁵ В основном, но не исключительно, как это утверждает, полемизируя с Плехановым, Д. И. Чесноков в своей книге «Мировоззрение Герцена» (Госполитиздат, М., 1948, стр. 76—78). Горькие сомнения мыслителя в возможности «93 года социализма», на которые указывает Плеханов («Но где силы на него? Где люди? а пуще всего где мозг?»), относятся не к одной буржуазии.

¹⁶ См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 61—62.

¹⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 41.

¹⁸ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. III, стр. 124.

¹⁹ В другом месте, говоря о том, что перед Белинским и Герценом встала задача обосновать идею революционного отрицания объективным ходом общественной жизни, Плеханов заметил: «Она стояла перед ними, как сфинкс, со словами: „Реши меня, или я пожру твой социализм“» (XXIII, 403).

шении мышления к бытию в плане естественнонаучном, Герцен не смог так же правильно решить его применительно к ходу исторического развития человечества. Драма Герцена была обусловлена, таким образом, не его материализмом («позитивизмом»), как об этом твердили Булгаковы и Мережковские, а недостатками, недоработанностью герценовского материализма.

К тому же выводу приходит Плеханов, анализируя и суждения Герцена об общественном строе Западной Европы, ее вероятном будущем. Подвергая во многом справедливой критике «мещанскую» цивилизацию («блестящие страницы, посвященные им мещанству, до сих пор сохранили значение серьезного — хотя далеко не всегда полного и безошибочного — анализа западно-европейской духовной жизни» — XIV, 271), Герцен впадает в огромное заблуждение, когда «он пытается точнее определить вероятный ход дальнейшего развития западно-европейской экономики» (XIV, 281) и предсказывает все большее и большее приобщение западного «работника» к мелкой собственности. И здесь ограниченность его материализма помешала Герцену понять классовую природу событий 1848 года и представить себе последующие судьбы пролетариата. В этом отношении Плеханов правомерно противопоставляет разочарованию Герцена, наступившему после революции 1848 года, спокойную уверенность Маркса, герценовскому «Да здравствует смерть!» марксовское: «Революция умерла, да здравствует революция!» (XIV, 282).²⁰

«Теоретическая драма Герцена заключалась в том, что он, чувствуя несостоятельность исторического идеализма, не мог сделаться историческим материалистом» (XXIII, 407), — заканчивает Плеханов свой анализ духовной драмы Герцена. «Мучительность этой драмы, — добавляет он в другом месте, — нисколько не ослаблялась тем, что завязка ее совершалась в области теории: лучшие „люди сороковых годов“ умели связывать самые глубокие вопросы теории с самыми ягучими вопросами общественной жизни» (XXIII, 395).

Если учесть, что даже в марксистской литературе начала XX века, исключая работу Ленина, драма Герцена (ее содержание и причины) или понималась узко и упрощенно,²¹ или вообще игнорировалась,²² то нельзя не оценить должным образом полноту и глубины плехановского анализа ее.

Конечный вывод Плеханова в основе своей совпадает с тем, который был сделан Лениным в работе «Памяти Герцена»: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом. Эта „остановка“ и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года». Однако в ленинской работе рядом с «теоретической» глубоко проанализирована и другая, социально-историческая, причина драмы, которая осталась почти не затронутой у Плеханова. В духовной драме Герцена Ленин видит порождение и отражение «той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического

²⁰ Как известно, этими словами Маркс закончил свой анализ уроков революции 1848 года в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 32). «На Западе, — говорит Плеханов в другом месте, — неудачный исход революционного взрыва 1848—1849 гг. „разочаровал“ только тех социалистов, — правда, их было много, — которые еще не разделились с утопическим взглядом на движение пролетариата. Маркс и Энгельс не „разочаровались“ ни в чем именно потому, что они стояли на точке зрения научного социализма» (XIX, стр. 289—290).

²¹ Так, А. Луначарский в статье «Памяти А. И. Герцена» сводил драму Герцена к антинормии между реализмом и романтизмом: «Между реализмом и романтизмом Герцена не было строго определенной связи. В тех случаях, когда линии желательного и действительного расходились катастрофически резко, две души Герцена входили между собой в острейший конфликт. Самую сильную такую бурю Герцен перенес после июньской революции» («Новая жизнь», 1912, № 4, стр. 176). В статье К. Левина «Национализм и социализм А. И. Герцена» последний рассматривался как «московский барин», убежденный националист, корни мировоззрения которого «лежали, конечно, не столько в крушении революции 1848 года, сколько в свойствах природы Герцена, истого москвича, чисто русского просвещенного барина» («Просвещение», 1912, № 5—7, стр. 19).

²² Франц Меринг в одной из статей 1908 года утверждал, что революция 1848 года, свидетелем и очевидцем которой оказался Герцен, «не столько сделала из него другого человека, сколько раскрыла его истинное существо. Говорили, что перед лицом революции он совершенно утратил свою революционную веру: на самом же деле стало лишь очевидно, что он был неспособен к какому бы то ни было революционному мышлению и пониманию. Его мечта рассеялась, столкнувшись с жестокой действительностью, и на ее грубой почве он остался беспомощным в своих заблуждениях» (цит. по: Мих. Лифшиц. Читая Герцена. «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 114—115).

²³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 256.

прелетариата еще не созрела».²⁴ Конкретно-исторический подход к объяснению социальных причин герценовской драмы позволил Ленину прочно связать ее анализ с современными проблемами революции и пролетарского движения, что Плеханову удалось сделать в значительно меньшей степени.

Однако глубокое понимание теоретической драмы Герцена дало Плеханову возможность наметить в своих работах такую линию идейной эволюции мыслителя, которая во многом соответствовала действительному ходу его умственного развития, правильно характеризовала его основные этапы. Анализируя мировоззрение писателя 1850-х и 1860-х годов, Плеханов особое внимание уделяет герценовскому решению проблемы социализма и проблемы революции.

Со всей определенностью Плеханов указал на то, что разочарование Герцена в западноевропейском утопическом социализме не означало отказа от идеи социализма вообще. Эти идеи он считал величайшим завоеванием европейской цивилизации, таким результатом исторического развития, которым нельзя поступиться (XXIII, 423). «Он был социалистом со студенческой скамьи и до конца своей жизни», — утверждал Плеханов, возражая «либеральным мудрецам» вроде В. Богучарского, отлучавшим Герцена от социализма.²⁵

Для Герцена задача состояла в том, чтобы, не отказываясь от социалистического идеала, найти в самой действительности объективную основу для его осуществления. После 1848 года реальной основой представилась ему русская поземельная община. Так возник общинный, крестьянский, «русский социализм» Герцена, формулой которого явилось: «Народный русский быт и наука Запада».²⁶ По мысли Герцена, «разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает с стремлениями западного социализма».²⁷

В теоретическом плане герценовский социализм — это, как показал Плеханов, попытка устранить драматический разрыв между идеалом и действительностью и прорваться мыслью к материалистическому объяснению общественных явлений. Идеалистическая в своей основе и в своих окончательных выводах (поскольку община признавалась в последнем счете созданием русского народного духа), «эта теория Герцена была, в своих промежуточных звеньях, проникнута материалистическим сознанием зависимости „сознания“ от „бытия“: западное „мещанство“ обусловливалось, по мнению Герцена, исключительным господством на Западе частной собственности, а отвращение русских от мещанства объясняется существованием у них поземельной общины» (XIV, 297). Русская община сыграла в теории Герцена роль страстно искомого им «моста из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение». Но это был шаткий мост, ибо сама по себе община не заключала в себе никаких действительных гарантий ни за социализм, ни против капитализма. Своеобразный социализм Герцена оказался на поверку тем же утопическим социализмом, но только в другой форме. «Герцен — отец русского народничества»,²⁸ народнического утопического социализма.

К началу XX века концепция «русского социализма» в ее различных вариантах уже была опровергнута и теоретически — в работах русских марксистов — и практически — всем ходом развития русской жизни. «Жизнь уже произнесла свой критический приговор», — замечал Плеханов.²⁹ Однако все еще делались попытки противопоставить будто бы «широкие» взгляды «русских социалистов» будто бы узким взглядам «ортодоксальных марксистов» (XIV, 302). На таком противопоставлении были построены во многом работы теоретиков позднего народничества (Иванов-Разумник, Н. Русанов и др.) и критиков Маркса вообще (В. Богучарский, М. Гершензон, П. Струве и др.). Они видели «преимущество Герцена перед Марксом в том, что он, в противоположность автору „Капитала“, социализм которого имел под собой материалистическую основу, смотрел на „социальный вопрос“ с идеалистической точки зрения. На самом деле, это было не преимуществом, а слабостью Герцена, причинившей ему много тяжелых страданий» (XXIII, 425—426). В этом отношении плехановская критика слабых сторон герценовского социализма имела злободневное значение, несмотря на ее известную неполноту (как и в объяснении духовной драмы, Плеханов почти не коснулся здесь вопроса о социальной сущности «русского социализма» Герцена, явившегося выражением демократических устремлений крестьянства).

Наряду с проблемой «Герцен и социализм» Плеханов рассматривает в своих статьях и проблему «Герцен и революция» — может быть, самую актуальную в период между поражением первой русской революции и новым революционным подъемом. Плеханов показал, что разочарование Герцена в революции 1848 года

²⁴ Там же.

²⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 37. См. также рецензию Плеханова на книгу В. Я. Богучарского «А. И. Герцен» (XXIII, 446—452).

²⁶ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVIII, стр. 8.

²⁷ Там же, т. IX, стр. 151.

²⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 43.

²⁹ Там же, стр. 45.

не привело его к отказу от революционных методов борьбы, как об этом твердила русская пресса начала XX века — от черносотенной «России», считавшей Герцена раскаявшимся врагом, до поздних народников и веховцев, изображавших его своим учителем и единомышленником.

«Революции бесполезны, ничему не помогут баррикады... Нужна долгая подготовительная работа и просвещение темных масс», — такие взгляды приписывал Герцену критик «России».³⁰ Со своей стороны, народник Н. Рusanов утверждал, что на рубеже 40—50-х годов Герцен стоял за революционное решение социального вопроса, а к концу жизни склонялся к реформистской тактике.³¹ По мнению С. Ашевского, глубоко заблуждались те, кто смотрел на Герцена «как на апостола революции в России»: после 1848 года «проповедником революции и кровавых мер он никогда уже более не выступал».³²

Особенно искажено в свете либерально-буржуазных интерпретаций идейного наследия Герцена выглядело его отношение к либерализму и к революционным методам общественного переустройства.

Опровергая взгляды веховцев, стремившихся истолковать социально-политическую позицию Герцена в духе собственного либерализма, Плеханов ясно заявил: «Очень ошибаются те, которые относят его к либералам».³³ «Те» в данном случае — и М. Гершензон, и В. Богучарский, и П. Струве, и многие другие публицисты либерального лагеря, желавшие «счесться родными» с Герценом. Один из них — Л. Слонимский — доходил до утверждения об идейной близости Герцена и Кавелина.³⁴ По-видимому, не случайно Плеханов посвятил специальную статью вопросу «Герцен и крепостное право». Именно в годы подготовки крестьянской реформы в наибольшей степени проявились либеральные колебания Герцена, его надежды на революцию «сверху». Отсюда — понятный интерес к этому периоду со стороны «либеральных мудрецов», заявлявших, что издатель «Колокола» «боролся за минимальную программу русского либерализма»³⁵ и выступал противником революции.³⁶ Не отрицая ни умеренного характера программы «Колокола», ни либерального характера надежд Герцена на Александра II и русское дворянство в период подготовки и проведения реформы, Плеханов подчеркивал, что даже в эти годы существовала принципиальная разница между позициями либералов и Герцена. Первые, писал он, «добивались только уничтожения крепостного права да некоторых „административных“ и „религиозных“ реформ (вспомните письмо Кавелина); между тем как Герцен в самом освобождении крестьян видел лишь первый шаг на пути к социализму» (XXIII, 343).³⁷ Вот почему либералы были удовлетворены «освобождением» крестьян от земли, в то время как герценовский «Колокол» объявил реформы Александра II «новым крепостным правом» и на вопрос, что нужно народу, дал «ответ, звучащий революционным призывом: очень просто — народу нужна земля и воля» (XXIII, 331).

Разрыв на этой почве³⁸ с либералами кавелинского и чичеринского типа, горячее сочувствие польскому восстанию, проклятия по адресу палачей крестьян и вожakov демократического движения 1860-х годов, ориентация на «молодую Россию» и обращенный к ней призыв идти в народ и возглавить его борьбу за землю и волю — все эти важнейшие факты политической биографии Герцена, отмеченные и проанализированные в статьях Плеханова, рисуют его не только как теоретика революционной мысли, но и как деятеля революции. Даже применительно к современной политической ситуации в России, подчеркивал Плеханов, Герцен стоит «ближе всего к революционерам».³⁹ Этот вывод приобретал в литературно-обще-

³⁰ «Россия», 1912, № 1952, 25 марта.

³¹ См.: «Русское богатство», 1909, № 7, стр. 185. Ср. с этим замечание Плеханова о позиции Герцена в 60-е годы: «Тактика Герцена революционизируется» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 37).

³² «Современный мир», 1912, № 1, стр. 63, 68.

³³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 35.

³⁴ Л. Слонимский. А. И. Герцен и К. Д. Кавелин. «Запросы жизни», 1912, № 12, стр. 719—724.

³⁵ См.: М. Гершензон. Социально-политические взгляды А. И. Герцена. М., 1906, стр. 3.

³⁶ С. Ашевский. Реформы императора Александра II и «Колокол» Герцена. «Современный мир», 1912, № 1, стр. 63; В. Богучарский. Герцен и первая из «великих реформ». «Запросы жизни», 1912, № 12, стр. 714—716.

³⁷ Упомянутое письмо Кавелина, где он советует Герцену быть умеренным и не касаться вопросов политических, а лишь «административных» и «церковных», приведено Плехановым в статье «А. И. Герцен и крепостное право» (XXIII, 316).

³⁸ А не только из-за усиления влияния в герценовских изданиях Огарева и Бакунина, как это полагал Ч. Ветринский в книге «Герцен» (СПб., 1908, стр. 363). Взгляд Ветринского, разделявшийся и другими историками общественной мысли, Плеханов характеризовал как «до крайности поверхностный» (XXIII, 343).

³⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 46.

ственной борьбе начала XX века особенно большое значение потому, что даже некоторые публицисты социал-демократического направления оказались в плену веховской легенды о Герцене и изображали его в своих работах либералом:⁴⁰ правда, в отличие от веховцев они не хвалили, а критиковали его за этот мнимый либерализм.

Как мыслителя-революционера, показывает Плеханов, характеризует Герцена и его отношение к проблеме революционного насилия. В противовес веховцам, которые считали ошибкой не то, что революцию 1905—1907 годов не так делали, а то, что ее вообще делали,⁴¹ и апеллировали то к Толстому с его философией непротивления, то к Герцену, изображавшемуся ими по этому случаю «толстоцем еще до Толстого»,⁴² Плеханов раскрыл истинное отношение Герцена к проблеме, сопоставив его взгляды со взглядами Толстого.

В своих статьях и особенно в реферате «Толстой и Герцен» он показал, что «философия революции» Герцена — учение сложное, отражающее сложность самого явления. Имея в виду упомянутую статью Струве, Плеханов замечал по поводу увлечения Толстым в годы реакции: «Почему же аплодируют ему? Частью по незнанию, частью потому, что многие не хотят противиться злу насильем. Струве в „Вехах“. А Герцен? Он никогда не был апологетом насилия для насилия... Но он и не апологет непротивления».⁴³ В этом смысле характерными для диалектической позиции, которую занимал Герцен по этому вопросу, Плеханов считал следующие слова в его программной статье «Революция в России» (1857): «Без сомнения, восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное... От души предпочитаем путь мирного, человеческого развития — пути развития кровавого, но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo».⁴⁴

Глубочайшее отличие Герцена от Толстого состоит в том, что его гуманизм не мешало ему признавать правомерность и законность революционного насилия. Плеханов сопоставляет отношение Герцена к польскому восстанию 1863 года с отношением Толстого к первой русской революции. Сопоставление оказывается противоположенным. Во-первых, Толстой в противоположность Герцену считал равно виноватыми в трагических событиях обе стороны — и правительство и революционеры. Во-вторых, «Толстой со всем своим художественным чувством не понимал, да и не мог понять захватывающей поэзии самоотверженной революционной борьбы. А Герцен прекрасно понимал ее».⁴⁵

Это различие между двумя мыслителями возводится Плехановым к более общему различию во взглядах Герцена и Толстого на проблему преступления, на вопрос о путях изменения жизни. Оба — и Герцен, и Толстой — протестовали против наказаний, но коренным образом расходились в понимании средств искоренения преступности. «Герцен говорит: причина преступности лежит в дурном устройстве общественных отношений. Толстой учит: царство божие внутри нас. Один умозаключает к переустройству общества, другой — к нравственному улучшению отдельных лиц».⁴⁶

Еще один аспект статей Плеханова, придававший им своевременность и злобность в начале XX века, — анализ философских взглядов Герцена. Несмотря на некоторые неточности в определении философского содержания «Писем

⁴⁰ «Нет мнения более ошибочного, как то, которое принимает Герцена за революционера», — заявлял, например, К. Левин в статье «Национализм и социализм А. И. Герцена» («Просвещение», 1912, № 5—7, стр. 19). По мнению Ю. Стеклова, «Герцен отстаивал умеренно-либеральную точку зрения и выражал взгляды либеральных помещиков» («Современник», 1912, № 7, стр. 331).

⁴¹ П. Струве. Интеллигенция и революция. В кн.: Вехи. М., 1909, стр. 127—145.

⁴² Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 5. По утверждению М. Гершензона, суть завещания Герцена — «Писем к старому товарищу» — сводится к двучленной формуле: раскрыть разум в себе и других, и в этом он предшественник и единомышленник Толстого (Социально-политические взгляды Герцена. М., 1906, стр. 11). К аналогичному выводу приходил и К. Левин. «Герцен в своих социально-политических воззрениях, — писал он, — был ближе всего к Руссо и Л. Толстому» («Просвещение», 1912, № 5—7, стр. 22).

⁴³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 17.

⁴⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XIII, стр. 21—22. «Позвоительно думать, — добавлял Плеханов, — что он и теперь не отказался бы повторить эту последнюю фразу, на этот раз понимая под застою николаевского status quo тот застой, который так дорог правительству Николая II» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 10).

⁴⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 12.

⁴⁶ Там же, стр. 8.

об изучении природы»,⁴⁷ Плеханов правильно охарактеризовал стремление Герцена-диалектика проложить путь для сближения философии с естествознанием. Приводя замечания Герцена, направленные в адрес современных ему эмпириков и идеалистов, Плеханов писал, что они попадают «не в бровь, а в глаз» многим естествоиспытателям XX века — Оствальду, Маху, Геккелю. Их пренебрежение к философской теории оборачивается тем, что они оказываются в плену отсталых, несостоятельных теорий идеализма. Как известно, на эту сторону воззрений Герцена обратил внимание и В. И. Ленин, писавший: «Первое из „Писем об изучении природы“ — „Эмпирия и идеализм“, — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуполуидеалистов».⁴⁸ Вопрос о соотношении опытного и теоретического знания припадлежал к числу актуальнейших в период философской дискуссии начала XX века, о чем свидетельствуют «Materialismus militans» Плеханова и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. В борьбе с различными идеалистическими «измами» наследие Герцена оказывалось «старым, но грозным оружием», и марксистская публицистика умело использовала его.

Оценивая общее направление и возможные перспективы философской эволюции мыслителя-революционера, Плеханов приходил к выводу, что «ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса» (XXIII, 377). Справедливость этого вывода по отношению и к социальным воззрениям Герцена Плеханов доказывает анализом «Писем к старому товарищу» — революционного завещания Герцена, которое идеологи либерально-буржуазной интеллигенции выдавали за свидетельство его умеренности и постепенства.⁴⁹ В этих «Письмах», особенно во втором из них, сказано новое настроение Герцена после многих лет разочарования в Западной Европе. Деятельность Международного Товарищества Рабочих, созданного и руководимого Марксом, вызвала в нем «новую надежду на то, что и на Западе найдутся силы, способные решать „социальные вопросы“». Но смерть не дает окрепнуть этой новой надежде» (XXIII, 419). Однако самый факт глубокого интереса Герцена к Интернационалу Плеханов расценивает как весьма знаменательное событие в его духовной жизни.

В борьбе вокруг идейного наследия Герцена в начале XX века плехановский анализ духовной драмы мыслителя, его отношения к вопросам социализма и революции, его философских взглядов играл бесспорно положительную роль. Статьи Плеханова, вызывая нападки явных ретроградов и мнимых последователей Герцена за их якобы «тенденциозность» и чрезмерное сближение Герцена с марксизмом,⁵⁰ прокладывали дорогу для подлинно научного истолкования герценовского наследия. Богатые мыслями и прекрасно написанные, они до сих пор не потеряли своей научной и литературной ценности.

⁴⁷ Плеханов полагал, что в период их создания Герцен «еще колебался между идеализмом и материализмом, причем был ближе к первому, чем ко второму» (XXIII, 23). В современных исследованиях на этот счет единого мнения нет: одни считают, что «Письма» — чисто материалистическое произведение (Я. Эльсберг. Герцен. Гослитиздат, М., 1951, стр. 157—168), другие видят следы идеализма только в использовании идеалистической терминологии (см. комментарий З. В. Смирновой в кн.: А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. III, стр. 332), третьи находят, что Герцен иной раз не только выражался, но и думал, как идеалист (Д. И. Чесноков. Мировоззрение Герцена. Госполитиздат, М., 1948, стр. 113—115; А. И. Володин. Герцен и Гегель. В кн.: Проблемы изучения Герцена. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 106—107). Думается, что последний вывод, совпадающий с первой частью плехановской формулы («колебался между материализмом и идеализмом»), ближе всего к истине. Что касается второй части формулы Плеханова, то она неверна: Герцен в «Письмах об изучении природы» ближе к материализму, чем к идеализму. Ошибка Плеханова произошла отчасти из-за того, что он, разбирая взгляды Герцена на проблему мышления и бытия, не всегда различает ее онтологический и гносеологический аспекты.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 256.

⁴⁹ П. Струве, например, сопоставляя «Письма к старому товарищу» с предисловием Маркса к 1-му изданию «Капитала», заявлял: «Герцен гениально уловил эволюционное ядро марксизма и смело отбросил ложь революционной фразеологии. Но полузабытое посмертное произведение русского мыслителя бесконечно выше всего Маркса и марксизма тем благородным моральным духом, который в нем разлит» («Русская мысль», 1912, № 4, отд. II, стр. 138).

⁵⁰ См.: «Россия», 1912, № 1954, 29 марта; «Запросы жизни», 1913, № 13; «Русское богатство», 1909, № 12, стр. 105.